

DOI: 10.31648/an.5221

«И НЕСЕМ В ЧУЖИЕ СТРАНЫ / ЧУВСТВО
РУССКОЕ ТОСКИ»: ОБРАЗ РОССИИ
В МЕМУАРАХ АЛЕКСАНДРА ВЕРТИНСКОГО

“AND WE DRAG TO FOREIGN LANDS / RUSSIAN FEELING
OF LONGING”: RUSSIA’S IMAGE
IN ALEXANDER VERTINSKY’S MEMOIRS

Nel Bielniak

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5101-1629>

Uniwersytet Zielonogórski / University in Zielona Góra

e-mail: n.bielniak@in.uz.zgora.pl

Keywords: Alexander Vertinsky, memoirs, Russia’s image, the first wave of emigration

Abstract: A well-known Russian bard, Alexander Vertinsky, like many other representatives of the first wave of Russian emigration, left behind his unfinished memoirs in which he writes of over two decades of homeless wandering around the world (1920-1943). During that time he stayed, among others, in many European countries, the USA and China. And it was in Shanghai in the early 1940s that the singer began to write down his reminiscences. After returning to his homeland, Vertinsky continued his literary work, which undoubtedly left its mark on the content of memoirs. Nevertheless, the leitmotif of Vertinsky’s memoirs is both the image of old Russia scented with nostalgic feelings, and of Russian emigrants embodying his homeland.

В процитированных в заглавии статьи словах знаменитой песни Александра Вертинского *О нас и о Родине*, созданной им в 1935 году во время пароходного путешествия по Атлантическому океану на пути в США, ярко выделяется мотив тоски по родине, характерный для творчества первой волны эмиграции в целом (представителем которой был и певец, проживавший с 1920 года за пределами России). Тем не менее исполнение именно этой песни вызвало резкие отклики в среде русских эмигрантов. Причиной яростных обвинений в «сговоре с большевиками»,

в «продажности» [Уварова 2018, 13] послужили прежде всего две последние строфы, в которых певец призывал:

(...) понять беззлобно,
Что свою, пусть злую, мать
Все же как-то неудобно
Вечно в обществе ругать.

А она цветет и зреет,
Возрожденная в Огне,
И простит и пожалеет
И о вас и обо мне!.. [Вертинский 2018, 353]

Сам исполнитель в письме другу, молодому певцу Борису Белостоцкому от 19 марта 1937 года так прокомментировал нападки со стороны эмигрантской прессы:

Песня, о которой так много говорят, написана была 2 года тому назад в Сан-Франциско, а спел я ее только теперь. Ничего советского, конечно, в ней нет. И только кретины и подонки могут находить в ней это. Та же любовь к России, та же тоска по ней. Вот и все. Встречена она публикой бурей восторга и аплодисментов, ибо в ней я говорю, как всегда, то, что думают почти все. За исключением подлецов и идиотов [Вертинский 2018, 463].

В самом деле, далекий от политики Вертинский, продолжавший в эмиграции вести богемный образ жизни, более того, занявший независимую позицию, не принимавший участия в сборищах и собраниях, а лишь в благотворительных акциях [Mianowska 1998, 207]¹, порицал непримиримость большинства эмигрантских союзов и печатных изданий по отношению к СССР. Артист верил в возможность установить контакт с культурой метрополии и не переставал мечтать о возвращении в отчий край, поэтому несколько раз обращался к советскому правительству с просьбой позволить ему вернуться на родину, впервые еще в начале 1920-х годов во время пребывания в Польше через посла Петра Войкова. Разрешение вернуться в Советский Союз артист получил лишь спустя двадцать лет в 1943 году.

Необходимо подчеркнуть, что поведение Вертинского не составляло исключения. Значительная часть выходцев из России не предполагала, что эмиграция станет их судьбой, поэтому, как отмечает Татьяна Марченко, «некоторые писатели и деятели культуры продолжали жить

¹ Следует отметить, что существуют и вполне противоположные мнения о политической неангажированности Вертинского. К примеру, Владимир Армеев в статье *Кто вы, артист Вертинский?*, опубликованной в 2007 году в журнале «Нева», выдвигает гипотезу, что певец был сотрудником советской внешней разведки. По мнению Армеева, лишь этим можно объяснить два совершенно непонятных момента его биографии: белую эмиграцию и красную реэмиграцию: «Словом, Пьеро-Вертинский – это находка для ВЧК, ОГПУ и НКВД. Мимо такого идеального материала они пройти не могли. Таким образом, совершенно понятна причина его „эмиграции“» [См. Армеев 2007, online].

с советскими паспортами, с симпатией писать о советской литературе и культуре и носить прозвище „большевизанов” (как Михаил Осоргин)» [Марченко, online]. Однако надежды на быстрое падение большевиков развеивались с течением времени, тем более, что с 1924 года все больше стран признавало СССР. В этих условиях изгнанническое положение, неотъемлемой частью которого были одиночество, отчуждение и бездомность, стало для многих просто невыносимым. Отсюда и решение о реэмиграции, которое, по словам Ивонны Анны Ндяй, было отчаянной попыткой выйти из состояния экстерриториальности. Одними из первых в середине двадцатых годов решили вернуться в советскую метрополию Николай Агнивцев, Татида (Татьяна Цемах), Сергей Алымов. На родину вернулись также Марина Цветаева, Лидия Хаиндрова, Алексей Эйсер, Илья Голенищев-Кутузов, Виктория Янковская, Антонин Ладинский, Ирина Одоевцева, Александра Паркау, Валентин Парнах, Марк Талов и многие другие [NDiaye 2008, 133]. Этот список можно дополнить именами Алексея Толстого, Максима Горького, Александра Куприна, Сергея Прокофьева. По подсчетам историков с 1921 по 1931 год в Россию возвратились 181 432 человека, чему, в частности, способствовали Союзы возвращения на Родину. Но в советской России репатриантов ожидала печальная, нередко даже трагическая участь: бывшие офицеры и военные чиновники расстреливались сразу же после прибытия, часть унтер-офицеров и солдат оказывалась в северных лагерях. Не один год отбыли также в сталинских тюрьмах и лагерях те, кому Указами Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 года и 20 января 1946 года было предоставлено право получить советское гражданство [Пушкарева 1996, online].

Причины, которыми руководствовались возвращенцы, были разные, но всех объединяло щемящее чувство ностальгии. Поэтому вовсе не удивительно, что большинство русских эмигрантов свое вдохновение черпало именно в тоске по утраченному дому, который нередко становился символом родины вообще. Писатели пытались воскресить в памяти воспоминания о родном доме в широком смысле, поэтому стремились запечатлеть в своих произведениях навсегда потерянные образы прошлого, что, в свою очередь, чаще всего оказывалось единственно возможной формой возвращения в Россию [NDiaye 2008, 15]. Это в какой-то мере объясняет огромную популярность автобиографической и мемуарной прозы среди представителей первой волны эмиграции. К таким жанрам обращались ведь многие, поэтому в качестве примера назовем лишь несколько имен: Иван Бунин, Вера Муромцева-Бунина, Нина Берберова, Марина Цветаева, Дон-Аминадо, Георгий Иванов, Ирина Одоевцева, Алексей Ремизов, Надежда Тэффи, Зинаида Гиппиус, Иван Шмелев, Александр Куприн.

К этой группе принадлежит также автор *Путешествия Глеба*, который в своем очерке *Слово о Родине*, написанном в 1938 году по поводу 950-летия крещения Руси, однозначно указывает на особое значение образа России для выходцев из этой страны. Борис Зайцев следующим образом определяет положение эмигрантов и их отношение к родному краю:

В нелегких условиях, причудливо, получудесно, все-таки мы живем. И не намерены даже сдаваться. Нищи ли мы внутренне? Вот это вопрос. И ответ на него *мой*: нет. Не нищи те, у кого есть святыня. Святыни бывают различные, и различна их иерархия. Среди них бесспорное место, высокое, прочное: Родина. Именно вот о ней сейчас несколько слов.

Одно дело – воспринимать изнутри. Другое – со стороны. Судьба поставила нас теперь именно как бы в сторонку, отобрав почти все. Что же, может быть, в таком облегченном виде зрение и верней.

Многое видишь теперь о Родине по-иному [Зайцев 1938, online].

Намеченный здесь мотив тоски по прекрасному прошлому, по родной земле красной нитью проходит и через незаконченную книгу мемуаров Александра Вертинского *Дорогой длиною...*, название которой дал одноименный романс Бориса Фомина и Константина Подревского, часто исполняемый Вертинским в чужих краях перед русскоязычной аудиторией². Книга вышла в свет лишь в 1990 году³, хотя воспоминания о скитаниях по миру певец стал записывать еще в Шанхае в начале сороковых годов

² Фаина Николас, современная певица и исполнительница романсов, подробно рассказывает историю создания песни *Дорогой длиною*, которая в 1968 году в англоязычной версии надолго возглавила хит-парад англо-американской поп-музыки. Первое издание романса в исполнении Тамары Церетели вышло в СССР в 1925 году. В Европе с большим успехом эту песню пели на родном языке звезды русской эмиграции: Петр Лещенко, Юрий Морфесси, Стефан Данилевский, Людмила Лопато и Александр Вертинский, который не только включил романс в свой репертуар, внося изменения в текст, но и неоднократно записывал его в 1920-1930-е годы. Зато в Советском Союзе с 1929 года после Всероссийской музыкальной конференции запрещалось исполнение любых романсов. В том числе и *Дорогой длиною*. Романс как жанр стал постепенно возрождаться лишь в 1950-е годы, а в 1960-е годы песня *Дорогой длиною* триумфально вернулась на все сцены и стала записываться исполнителями. Англоязычную версию популярного романса под заглавием *Those were the days* создал американец Джин Раскин, родители которого были выходцами из России. Раскин написал английские слова на несколько измененную мелодию русской песни и записал ее в 1962 году, приписав себе авторские права и на текст и на музыку. Этой песней увлекся также Пол Маккартни. В 1968 году он предложил певице Мери Хопкин взять ее для дебютного сингла. Это было началом ее огромной популярности во всем мире. Песня зазвучала более чем на двадцати языках. Ее исполняли Сэнди Шоу, Энгельберт Хампердинг, Далида, а в Польше Халина Куницка (*To były piękne dni*) [Николас 2017, 26-31].

³ Следует уточнить, что часть мемуаров Вертинского под заглавием *Четверть века без Родины* было опубликовано в 1962 году журнале *Москва*. В 1989 году в Киеве вышла книга *Четверть века без родины. Страницы миновавшего* [См.: Вертинский 1989, online]. Московское же издательство *Правда* в 1990 году выпустило *Дорогой длиною...* [См.: Вертинский 1990, online]. Исправленное и дополненное письмами, интервью и заметками А. Вертинского, а также предисловием Е. Уваровой, новое издание этой книги вышло в свет в 2018 году [См.: Вертинский 2018].

для русскоязычной газеты *Новая жизнь*. После возвращения на родину Вертинский продолжал работу, стараясь увековечить то, что хранила его память, но рукопись все-таки осталась незавершенной [Уварова 2018, 7].

Тот факт, что воспоминания в значительной степени создавались в Советском Союзе, наложил, безусловно, свой отпечаток на их характер и содержание⁴. Можно сказать, что здесь мы сталкиваемся со своеобразной авторской самоцензурой, которая выражается в выборочной подаче мемуарного материала. Причиной тому, во-первых, специфика автобиографической памяти как таковой, допускающая вариативность интерпретации включаемых в нее данных, поскольку значение и смысл определенных эпизодов могут изменяться с течением времени в связи с их последствиями или заново сложившимися обстоятельствами. Во-вторых, в отдельных случаях, как замечает Татьяна Черкашина, «мы имеем дело с сознательным (в силу различных причин) либо несознательным искажением фактов, смещением определенных смысловых акцентов, что неизбежно приводит к деформации поданной информации и неправдивой интерпретации описанных событий» [Черкашина 2014, online]. Следует отметить, что сам мемуарист также неоднократно подчеркивал, что не претендует на точность своих выводов, поэтому первая глава начинается с фразы:

Многое я помню ясно и отчетливо, но многое стерлось в памяти. Что же осталось? Лоскутки... Маленькие разноцветные лоскутки... Обрывки, клочки минувшего, обрезки и остатки [Вертинский 2018, 21].

Тем не менее, своеобразная внутренняя цензура отчетливо прослеживается в некоторых формулировках, отборе определенных событий, а прежде всего в беспрестанном подчеркивании, что решение покинуть Россию было ужасным заблуждением. Вертинский называет эмигрантов, в том числе и самого себя, беглецами, трусами. В следующем отрывке мемуарист, указывая на неправильность сделанного выбора, одновременно платит дань советской власти:

⁴ Вертинский вернулся в советскую Россию с молодой женой (Лидия Владимировна была на 34 года моложе его) и грудным ребенком (дочь Марианна родилась в Шанхае в июле 1943 года), а в декабре 1944 года появилась на свет младшая дочь – Анастасия. В последние годы жизни певец был, прежде всего, озабочен судьбой своей семьи, тем более что советские реалии оказались далеко не восхитительными. По словам Анны Плотниковой, «возращение на Родину повлекло за собой череду гастролей, тяжёлые условия жизни, разочарование в действительности – при всех своих попытках ему так и не удалось стать полноправным советским артистом» [Плотникова 2013, 88]. Сам артист в письме жене от 9 ноября 1950 года замечает: «И главное – дети! Мне много лет. Как они вырастут? Доживу ли я до этого? Как их обеспечить? Все это мучает меня и терзает дни и ночи. А тут еще расхлябанный нервный аппарат актера-одиночки, дуэлянта и безответственного диктатора своих собственных идей – фактически не признаваемого страной, но юридически терпимого» [Вертинский 2018, 510].

Я понимаю, как трудно будет читать эти строки сегодняшнему патриотически настроенному читателю, для которого через вереницу лет уже все понятно и все ясно. Конечно, они ошиблись. Конечно, они проиграли. Они – то есть вся эмиграция, оторвавшаяся от родины, посмевающая поднять меч свой против НЕЕ! [Вертинский 2018, 213].

Надо все-таки отметить, что Вертинский по-своему истолковывал знаменитую фразу: «Мы не в изгнании, мы в послании»⁵, – ставшую своего рода девизом русской эмиграции первой волны. Певец не только надеялся на восстановление мирных отношений между метрополией и центрами диаспоры, более того, он был убежден, что всегда надлежит с гордостью представлять родину и заботиться о ее добром имени, независимо от того, как она теперь называется: Российская империя или СССР. По его мнению, «в сложившейся ситуации артист, тем более артист с именем, представляющий собой такую интересную для всех страну, как Россия, должен быть не только узким профессионалом, а чем-то большим» [Вертинский 2018, 148]. Следует подчеркнуть, что вера Вертинского в особую роль, отведенную творческим людям трагическими обстоятельствами, принимала иногда и другую форму. Во второй половине 1930-х годов, когда перед ним неожиданно открылась возможность вернуться в родную страну⁶, полный счастливых надежд певец в приводимом выше письме Белостоцкому отмечает следующее:

17 лет я напоминал эмигрантам, что у них есть Родина. 17 лет я будил в их сердцах чувство, которое у многих заснуло, – любовь к Родине. Теперь – в России – я вижу свою миссию в том, чтобы, рассказав там о страданиях эмиграции, помирить Родину с ней! И все камни, летящие в меня, я принимаю с улыбкой. Я вижу сквозь время. Я гляжу далеко вперед и верю в час, когда мы все вернемся [Вертинский 2018, 464].

Итак, четко обозначенная в рассматриваемых мемуарах тоска по родине не лишена, как нам кажется, подлинности. Ибо образы и чувства,

⁵ До сих пор существуют разногласия во взглядах на авторство этих слов. Чаще всего это изречение приписывается Нине Берберовой, Дмитрию Мережковскому или Зинаиде Гиппиус [Ср. NDiaye 2007, 88-89; Бельская 2018, online]. В последнее время все больше исследователей отстаивает точку зрения, что автором этих слов является Гиппиус, подтверждение чему можно найти на сайте Дома русского зарубежья им. А. Солженицына [<http://www.domrz.ru/exposition/>]. Тем не менее, нельзя забывать, что в 2010 году на киностудии «Русский путь» был снят документальный фильм *Посольство на Таганском холме*, созданный кинорежиссером Сергеем Зайцевым. В этой картине, посвященной Дому русского зарубежья и истории русской политической эмиграции XX века, прозвучали слова, что создателем фразы: «Мы не в изгнании, мы в послании. Мы великое посольство России», – является полковник генерального штаба Евгений Эдуардович Месснер [http://www.kinoglaz.fr/u_fiche_film.php?lang=ru&num=7369].

⁶ В Китае в начале 1936 года Вертинский был вызван в советское консульство, где ему передали приглашение ВЦИК вернуться на родину. Приглашение все-таки не получило подтверждения. К счастью, судьба хранила Вертинского, достаточно вспомнить Марину Цветаеву, ее мужа Сергея Эфрона и дочь Ариадну, Сергея Алымова, Алексея Эйнера и других «возвращенцев» тех лет [Ср. Уварова 2018, 13].

зафиксированные в воспоминаниях Вертинского, во многом походят на те, запечатленные в мемуарной и автобиографической прозе других эмигрантов первой волны. Сильное чувство оторванности, изоляции от родной земли автор мемуаров испытывает почти сразу после отъезда из страны. Во время турне по Бессарабии в 1921 году в восприятии певца пересекаются два понимания слова родина – родина идеологическая и частная. По мнению польского социолога Станислава Оссовского, который ввел эти понятия в научный обиход, идеологическая родина не только одинакова для всех, но и связана со всей нацией. В свою очередь, концепция частной родины основывается на непосредственных чувствах индивида по отношению к родной территории и на порожденных этими чувствами привычках, которые детерминируют также эмоциональную связь человеческой личности с родиной. Таким образом, столь болезненный для большинства русских эмигрантов опыт расставания с родиной необходимо соединять не столько с пересечением государственной границы, сколько с тем, что они оставили навсегда частную родину, определенное место или пространство, с которым установили особые отношения [Ossowski 1984, 26-27]. По мнению ольштынской исследовательницы, именно в свете размышлений Оссовского становится понятным, каким образом эмигрантские поэты отождествляли свои родные земли со своей идеологической родиной. Для них Россия была не только географическим пространством, так как изображаемые ими земли были одновременно символическим воплощением универсальной родины [NDiaye 2008, 231].

В Бессарабии Вертинский глубоко переживает географическую близость „нашей русской земли, такой знакомой, такой близкой и дорогой сердцу и в то же время уже чужой, не «нашей»” [Вертинский 2018, 128]⁷, которая находится за Днестром. Об этом напоминает ему почти все кругом: язык, архитектура и природа, причем образ России приобретает в сознании певца черты частной родины:

Те же милые сердцу белые хаты, те же колодцы с жестяными Христами, как у нас на Украине, те же подсолнухи, кивающие из-за тына, тот же воздух, то же солнце... и птицы. (...)

Все эти Бендеры, Сороки, Оргеевы выглядели как типичные русские «местечки» с неизбежным почтамтом, белой церквушкой, бакалейными лавочками, где пахнет хомутами и дегтем, где продают гвозди и мыло, кнутовища и квас, колбасу и веревки [Вертинский 2018, 128].

В сохраненном в памяти Вертинского образе утраченного дома преобладают визуальные картины. Но не менее важную роль играют и другие сенсорные ощущения, в том числе обонятельные, через которые

⁷ Под влиянием бессарабских впечатлений Вертинский создал свой знаменитый шедевр *В степи молдавнской* (1925).

не только раскрывается сильная эмоциональная связь мемуариста с родной землей, но и подчеркивается ее незаурядность, самобытность и превосходство по сравнению с другими странами:

Каждая страна имеет свой особый запах, который вы ощущаете сразу при въезде в нее. Англия, например, пахнет дымом, каменным углем и лавандой, Америка – газOLIном и жженой резиной, Германия – сигарами и пивом, Испания – чесноком и розами, Япония – копченой рыбой. Запах этот запоминается навсегда, и, когда хочешь вспомнить страну, вспоминаешь ее запах. И только наша родина, необъятная и далекая, оставила на всю жизнь тысячи ароматов своих лугов, полей, лесов и степей... [Вертинский 2018, 191].

В разбросанных по всему миру центрах русской диаспоры Вертинский наблюдал за жизнью эмигрантов, которые, стремясь хотя бы на короткое время забыть о своем трагическом положении, набрасывались, очертя голову, на всевозможные развлечения. Отчаянные попытки выходцев из России повернуть время вспять, почувствовать себя как дома, сопровождало особенно на первых порах «одно желание – забыться. Забыться во что бы то ни стало» [Вертинский 2018, 118]. Следует отметить, что эту свойственную русским беженцам тенденцию изобразила также Надежда Тэффи в своих *Воспоминаниях* (1931), о чем свидетельствует следующий отрывок:

Так и мы. Покупали какие-то «последние лоскутья», слушали в последний раз последнюю оперетку и последние изысканно-эротические стихи, скверные, хорошие – не все ли равно! – только бы не знать, не сознавать, не думать о том, что нас тащат на лед [Тэффи 1989, 273].

Эта попытка русских беженцев создавать условия, напоминающие о счастливых днях прошлого, связана с динамичным процессом своеобразного русифицирования чужого пространства, стремлением придать ему родной характер. По этой причине будь то Константинополь, Берлин или Париж, везде стремительно и в большом количестве возникали русские учреждения, магазины, булочные, кабаре, столовые и многочисленные рестораны, в которых эмигранты не столько легко тратили деньги и убивали время, сколько, как полшутя замечает мемуарист, проявляли своеобразный «патриотизм желудка», на что, между прочим, также обратила внимание Тэффи в стихотворном произведении *Тоска* (1920)⁸. Вертинский воспроизвел эту особую склонность русских эмигрантов следующим образом:

⁸Тэффи, в свою очередь, так изобразила этот специфический «кулинарный патриотизм»: «Да проследите за беженской братией нашей, / Как ест она русский борщ с русской кашей. / Ведь чтоб так – извините – жрать, / Нужно действительно за родину-мать / Глубоко страдать! / И искать, как спириты с миром загробным, / Общенья с ней хоть путем утробным» [См.: Тэффи 2011, III, online].

Сидя в уютном кабинете ресторана, преисполненные любви к покинутой родине, тоскующие по ней и взывающие ее, эмигранты начинали свои «гастрономические скитания» терпеливо, ласково и любовно. И тщательно. Для начала к столу подавали замороженные бутылки «тройки» – русской заграничной водки. Усевшись в эти «тройки», наши путешественники уже мчались по необъятной Руси! Первой воображаемой остановкой была Астрахань. Какую икру подавали там... [Вертинский 2018, 138].

Подытоживая наши рассуждения, отметим лишь, что согласно специфике жанра в книге *Дорогой длиною...* приоритет отдается памяти мемуариста, поэтому мы имеем дело с индивидуальным восприятием описываемых событий, которые действительно имели место в прошлом либо настоящем мемуариста [Черкашина 2014, online]. Однако, несмотря на большую степень субъективизма, запечатленные в книге образы утраченного дома и чувства тоски и оторванности от родной земли являются одновременно общими для поколения первой волны эмигрантов в целом. Тем не менее, в воспоминаниях Вертинского, которые главным образом создавались в Советском Союзе, очевидны также попытки непризнаваемого страной автора ограничить информацию, которая, с его точки зрения, не соответствует государственным условиям.

Библиография

- Armeev Vladimir. 2007. *Kto vy, artist Vertinskij?* «Neva» № 4. V: <https://magazines.gorky.media/neva/2007/4/kto-vy-artist-vertinskij.html> [Dostup 11 X 2019] [Армеев Владимир. 2007. *Кто вы, артист Вертинский?* «Нева» № 4. В: <https://magazines.gorky.media/neva/2007/4/kto-vy-artist-vertinskij.html> [Доступ 11 X 2019].
- Bel'skaâ Liliâ. 2018. *Â ne v izgnan'e, â – v poslan'e*. «Novyj Žurnal» № 290. V: <https://magazines.gorky.media/nj/2018/290/ya-ne-v-izgnane-ya-v-poslane.html> [Dostup 26 X 2019] [Бельская Лилия. 2018. *«Я не в изгнание, я – в послание»*. «Новый Журнал» № 290. В: <https://magazines.gorky.media/nj/2018/290/ya-ne-v-izgnane-ya-v-poslane.html> [Доступ 26 X 2019].
- Čerkašina Tat'âna. 2014. *Memuarnaâ literatura: sintez memuarnogo i avtobiografičeskogo načal*. «Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta» № 1(134). V: <https://cyberleninka.ru/article/n/memuarnaya-literatura-sintez-memuarnogo-i-avtobiograficheskogo-nachal> [Dostup 10 X 2019] [Черкашина Татьяна. 2014. *Мемуарная литература: синтез мемуарного и автобиографического начал*. «Вестник Адыгейского государственного университета» № 1(134). В: <https://cyberleninka.ru/article/n/memuarnaya-literatura-sintez-memuarnogo-i-avtobiograficheskogo-nachal> [Доступ 10 X 2019].
- Marčenko Tat'âna. *Pervaâ volna èmigracii: russkaâ kul'tura za rubežom*. V: <https://arzamas.academy/materials/1368> [Dostup 4 X 2019] [Марченко Татьяна. *Первая волна эмиграции: русская культура за рубежом*. В: <https://arzamas.academy/materials/1368> [Доступ 4 X 2019].
- Mianowska Joanna. 1998. *Rosyjska literatura emigracyjna i literatura rosyjskiej opozycji wewnętrznej w komentarzach*. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uczelniane WSP.

- NDiaye Iwona Anna. 2007. *Misja literatury emigracyjnej: («pierwsza fala» emigracji rosyjskiej)*. «Acta Polono-Ruthenica» nr 12: 77-93.
- NDiaye Iwona Anna. 2008. *Hipertrofia tęsknoty za utraconym domem w poezji emigrantów rosyjskich «pierwszej fali»*. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie.
- Nikolas Faina. 2017. *10 šedevrov russkogo romana*. Varšava: Russkij dom [Николаас Фаина. 2017. *10 шедевров русского романа*. Варшава: Русский дом].
- Ossowski Stanisław. 1984. *O ojczyźnie i narodzie*. Warszawa: PWN.
- Plotnikova Anna. 2013. *Hudožestvennyj mir Aleksandra Vertinskogo v postëmigracionnyj period*. «Naukovì zapiski Harkìvsk'ogo nacional'nogo pedagogìčnogo universitetu ìm. G.S. Skovorodi». Seria «Literaturoznavstvo». T. 1. № 2-74: 88-97. V: <http://journals.hnpu.edu.ua/index.php/literature/article/view/2354> [Dostup 26 X 2019]
- [Плотникова Анна. 2013. *Художественный мир Александра Вертинского в постэмиграционный период*. «Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди». Серія «Літературознавство» Т. 1, № 2-74: 88-97. В: <http://journals.hnpu.edu.ua/index.php/literature/article/view/2354> [Доступ 26 X 2019].
- Puškareva Natal'â. 1996. *Vozniknovenie i formirovanie rossijskoj diaspory za rubežom*. «Otečestvennâ istoriâ» № 1: 53-65. V: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187224> [Dostup 6 X 2019]
- [Пушкарева Наталья. 1996. *Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом*. «Отечественная история» № 1: 53-65. В: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187224> [Доступ 6 X 2019].
- Tëffi. 1989. *Nostal'giâ. Rasskazy. Vospominaniâ*. Leningrad: Hudožestvennâ literatura. [Тэффи. 1989. *Ностальгия. Рассказы. Воспоминания*. Ленинград: Художественная литература].
- Tëffi Nadežda. 2011. *Sobranie sočinenij v p'яти tomah*. Moskva: Knižnyj klub Knigovek. V: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/teffy-ss05-03/teffy-ss05-03.html#work003020> [Dostup 10 X 2019]
- [Тэффи Надежда. 2011. *Собрание сочинений в пяти томах*. Москва: Книжный клуб Книгоvek. В: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/teffy-ss05-03/teffy-ss05-03.html#work003020> [Доступ 10 X 2019].
- Uvarova Elizaveta. 2018. *Sud'ba i pesni Aleksandra Vertinskogo*. V: Aleksandr Vertinskij, *Dorogoj dlinnoj... Moskva: Izdatel'stvo AST: 7-16* [Уварова Елизавета. 2018. *Судьба и песни Александра Вертинского*. В: Александр Вертинский, *Дорогой длинной... Москва: Издательство АСТ: 7-16*].
- Vertinskij Aleksandr. 1989. *Četvert' veka bez rodiny. Stranicy minušego*. Kiev: Muzyčna Ukraïna. V: <https://coollib.com/b/315582> [Dostup 6 X 2019]
- [Вертинский Александр. 1989. *Четверть века без родины. Страницы минувшего*. Киев: Музыкальна Україна. В: <https://coollib.com/b/315582> [Доступ 6 X 2019].
- Vertinskij Aleksandr. 1990. *Dorogoj dlinnoj... Moskva: Pravda*. V: <https://coollib.com/b/321010/read> [Dostup 6 X 2019]
- [Вертинский Александр. 1990. *Дорогой длинной... Москва: Правда*. В: <https://coollib.com/b/321010/read> [Доступ 6 X 2019].
- Vertinskij Aleksandr. 2018. *Dorogoj dlinnoj... Moskva: Izdatel'stvo AST* [Вертинский Александр. 2018. *Дорогой длинной... Москва: Издательство АСТ*].
- Zajcev Boris. 1938. *Slovo o Rodine*. «Vozroždenie» (Pariž, 24 iúnâ) № 4137. V: http://az.lib.ru/z/zajcev_b_k/text_1938_slovo_o_rodine.shtml [Dostup 4 X 2019]
- [Зайцев Борис. 1938. *Слово о Родине*. «Возрождение» (Париж, 24 июня) № 4137. В: http://az.lib.ru/z/zajcev_b_k/text_1938_slovo_o_rodine.shtml [Доступ 4 X 2019].
- (online) http://www.kinoglaz.fr/u_fiche_film.php?lang=ru&num=7369 [Доступ 26 X 2019].
- (online) <http://www.domrz.ru/exposition/> [Доступ 26 X 2019].